

63.3 (2Р36-4кур)

П.55 +

700000

Издательство «Курган»
г. Курган, ул. Мухоморова, 10

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ
УВАЖАЕМЫЙ

ПОМНИ ВОЙНУ

Том IV

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ

1.249.930

Курганская область **Курган**
Библиотека **2004**
им. А. И. Югова
Книгохранилище

002K

К03(07)

Посвящается 60-летию Победы
в Великой Отечественной войне

ПОМНИ ВОЙНУ
Том IV
Детство, опаленное войной

Книга издана по инициативе Губернатора
Курганской области О.А. Богомолова

Составители: А.И. Букреев, В.А. Есетов

Администрация Курганской области, составители выражают искреннюю признательность воспитанникам и воспитателям детских домов, журналистам, краеведам, работникам архивов – всем, кто проявил заинтересованное участие в подготовке к изданию этой книги.

Сборник отражает героические и трагические страницы истории области, показывает лучшие качества зауральцев: мужество, трудолюбие, милосердие, сострадание, готовность прийти на помощь в трудную минуту. Книга рассчитана на все категории читателей и может быть использована при изучении истории родного края в учебных заведениях области.

ISBN 5-86047-181-5

**Валентина
Павленина**

У ВОЙНЫ НЕ ДЕТСКОЕ ЛИЦО

Войну я видела детскими глазами. Но память, как стальной резец, оставила следы на всю жизнь. И вот, спустя более полувека, решилась сделать несколько зарисовок, основанных на детских впечатлениях того великого и грозного времени, времени высокого подвига и огромных страданий народа.

Первые впечатления от войны – вереницы подвод, двигавшихся от станции к селу по нашему красавцу мосту, построенному незадолго до войны. Это был длинный, широкий мост, который покоился на нескольких высоких деревянных сваях, сделанных так мастерски красиво, что бревна издали напоминали ажурную вязь. Это было любимое место прогулок, свиданий молодежи и игр детей. С высоты моста открывался чудесный вид на село, окрестности, дали. Мост охранялся и раньше, но сейчас там стояли часовые с винтовками. К мосту прилегала высокая насыпь, сделанная из золотистого песка с галькой. Сбоку насыпи кто-то выложил белым кирпичом надпись «Все на защиту Отечества!» Буквы призыва так крупны, что видны очень далеко.

Бесконечные вереницы подвод, изредка проезжают грузовые машины. Солнце слепит глаза. Рядом течет широкий Миасс, пенясь и подмывая крутые берега, – это единственное, что напоминает мирную жизнь...

Жаркое лето сорок первого. Начинается уборка хлебов. Техники мало, мужчины уходят на фронт. Мать с группой женщин косят вручную. Каждое утро, управившись по хозяйству, мать с литовкой за плечами идет в поле. Я иду с ней. Детский сад пришлось оставить, так как в связи с эвакуацией число воспитанников увеличилось, и их негде было размещать. 5-6 километров туда я преодолеваю легко, но обратно иду с трудом. Впечатлений масса. Однажды увидели целое стадо диких коз, которые так красиво бежали по жнивью, что, казалось, летели по воздуху.

Я сижу возле большой копны гороха. Косцы – женщины, старики и мальчишки-подростки – собрались у костра, откуда тянет дымком и вкусным запахом. После обеда – небольшой отдых. Мать начинает читать газету. Помню, что там говорилось о зверствах фашистов, о том, что у женщин отрезали груди, выкалывали глаза... Это, наверное, были первые корреспонденции военного времени. Реакция слушающих – ошеломление, возгласы ужаса, страх. Когда взрослые снова пошли копнить, я заявила, что боюсь оставаться одна. Мне казалось, что из-за копны выйдут немцы и схватят меня. Решили посадить меня на одинокий «Сталинец» (комбайн), который косил хлеб. Меня забрасывают на площадку бункера комбайна. Я оказалась там не одна: на промасленном ватнике сидел испуганный маленький зайчонок, поднятый, очевидно, трактористом, чтобы сохранить ему жизнь.

Затарактел трактор, затрясся комбайн (тогда самоходных комбайнов не было), двинувшись по неровному полю. Я прижала к себе зверюшку и сама, наверно, напоминала зверька, испуганного необычностью обстановки.

Безжалостно палило солнце, гремело, грохотало железо, от которого было нестерпимо жарко, очень хотелось пить. В ушах звенели слова о женщинах с отрезанными грудями и выколотыми глазами, я вспомнила свой

детский сад, где меня оберегали, кормили, водили гулять, а теперь... И горькие слезы полились из моих глаз. А трактор гудит и гудит, а комбайн гремит и гремит. Да, не было бомб, обстрелов, но и в глубоком тылу резко менялась жизнь, и мы, дети, это чувствовали. Детство лишалось уюта, привычного тепла и внимания. Война вклинивалась не только во взрослую жизнь, но и в мою, детскую, нарушая привычные жизненные стереотипы.

Возле школы – группа эвакуированных; их выгрузили с подвод, но еще не разместили по квартирам. Они утомились от длительного пути, но терпеливо ждут, сидя на небольших узлах пожиток – того, что удалось захватить с собой.

Мое внимание привлекает девчонка примерно моего возраста. Зябко кутаясь в клетчатый плед, она смотрит огромными иконописными глазами на окружающих, в них столько недетской тоски и обреченности. Многие пришлось ей увидеть и пережить, прежде чем она и ее близкие нашли пристанище у нас, в зауральском селе. Галя Кижнер (так ее звали) прибыла из Харькова, несколько лет училась в нашей школе, а потом, после возвращения на родину, долгие годы переписывалась со своей одноклассницей, жительницей нашего села.

У наших жильцов почти ничего не было из вещей, мы делились, чем могли. Но зато у них был патефон с пластинками, который они подобрали на одной из разбомбленных станций. Этот патефон – самое радостное, яркое воспоминание тех трудных лет. Вечерами при свете коптилки люди, зябко кутаясь в старые платки, фуфайки, садились поближе к печке, на время забывая обо всем, вслушиваясь в утесовские «Пароход», «Дядя Ваня», слушая чарующие звуки романса «Ночь тиха», отрывки из оперетт. Музыка объединяла нас, врачевала душевные раны.

А жизнь была сурова. Враг наступал, с фронтов приходили неутешительные сообщения.

У нас в подвале была картошка, которой кормились мы с мамой и пять человек эвакуированных. Наши жильцы умели делать из нее такие блюда, что порой забывалось отсутствие хлеба. Картошечка – наша спасительница, ей надо поставить памятник – столько жизней она сохранила! Правда, на посадку весной у нас картошки почти не оставалось... Хлеб давали по карточкам – серым бумажкам, от которых отрезали узкие полоски с указанием веса. Маленькие кусочки черной сырой массы с большим количеством овсяной шелухи, которая больно застревала в горле, – этот хлеб съедался быстро и незаметно. И еще спасали горох, овес и просо, которые сеяли все организации, а также овощи, грибы и ягоды.

Дров у нас не было совсем. Выпал снег, пришли холода. Все вместе шли в бор, опоясывающий село, захватив мешки, топоры. Собирали валежник, рубили пеньки, которые давали мало тепла. Воспоминание о военном времени – это ощущение холода и постоянного недоедания. Русская печка, полаты – любимое место нахождения ребятишек. Здесь готовили уроки, читали, играли.

Весной ребячьи ватаги устремлялись в лес за саранками, медунками, пучками, лезли в болотца, вырывая камыш и отыскивая «мучку». А крупянка на соснах? Она хорошо утоляла голод, знаю по собственному опыту. Иногда поиски растительной пищи заканчивались трагически. Запомнился случай с Галей Шаламовой, сестрой известного кировчанам баяниста Шурика Шаламова, талантливого юноши, который скрашивал досуг молодежи военного и послевоенного времени своей игрой. Семья у них была многочисленная, конечно, недоедали. Весной, когда появилась трава, девочка вырвала и съела «морковку» (белену), спасти ее не удалось. Воочию вижу маленький гробик, в котором лежит прелестная девочка; пряди черных вьющихся волос окаймляют восковое личико, на голове детская шляпка; синие

губы скорбно сжаты. Все ее лицо выражало такую скорбь, такую обиду и боль, а лежащий на груди подснежник говорил о так несправедливо отнятой жизни, что никто из присутствующих не мог сдержать слез.

Смертей в то время было много. Вымирали целые семьи от септической ангины, собрав весной перезимовавшие колоски пшеницы и употребив зерно в пищу. Умирали и от недоедания.

Дети войны... Они мечтали не о сахаре, а... о соли. В магазине изредка появлялась сырая, грязная масса, именуемая солью. Соль экономили, выменивали у спекулянтов, отдавая последнее. Помню, на базаре за прилавком бойкая женщина торгует солью. Соль комковая – большой прозрачный голубоватого цвета камень, напоминающий кусок льда, переливающийся кристалликами на солнце. Я стою и неотрывно смотрю на такой красивый, такой желанный «камень». Взять бы кусочек этой «льдинки» и сосать, сосать...

В селе организовали госпиталь, поступили первые раненые. Здания школы теперь превращены в госпитальные палаты, а учащиеся занимаются в три смены в разных помещениях села.

...Выздоровливающие раненые прогуливаются по опушке леса, сидят на скамейках (в бору создана летняя эстрада), ласково разговаривают с нами, ребятами, вспоминая, должно быть, своих детей. Позднее привезли детей из Ленинграда. Они лежат на топчанах во дворе школы в белых панамках и принимают солнечные ванны, а мы, устроившись на заборе, наблюдаем за происходящим.

В 1943 году я пошла в первый класс. Моя учительница – самая лучшая женщина на свете – Галина Ивановна Макеева, заброшенная волной эвакуации в наши края. Помню первый урок: Галина Ивановна, почему-то в распахнутом кожаном полупальто коричневого цвета, берет в руку астру из стакана, стоящего на столе, поднимает, протягивает классу и произносит: «Это один

цветок». Берет несколько цветков в другую и говорит: «А это – много». Так начиналась школьная жизнь, которую мы прожили с Галиной Ивановной целых три года.

Если бы современные школьники увидели нас, детей военного времени, наверное, засмеялись бы, решив, что на нас надеты маскарадные костюмы.

Я была единственным ребенком в семье; у меня были красивые платья, туфли. Но это было когда-то, в мирное время. Из всей этой одежды я быстро выросла, и в школу идти было попросту не в чем. Мама отрезала рукава от летнего пальто, которое еще как-то налезало на меня, и оно заменяло платье и кофточку в зимнее время. Сложнее был с обувью: туфли были малы. Нашлись кирзовые сапоги 39 размера. Я носила их три года, люто ненавидя и мечтая, что у них отвалятся подошвы. Но они были на редкость прочны. Я в них почти не могла ходить: они скользили, были так велики, что я постоянно запинаясь за парты, за порог класса, за ступеньки крыльца, а то и мальчишки подножку поставят. Я бесконечно падала и сильно ушибалась. Была еще одна достопримечательность моей экипировки: футбольные бутсы, бог весть как попавшие в наш дом. Иногда я появлялась в них в классе, сгорая от стыда за свое внешнее уродство и вызывая зависть у мальчишек. Но это было еще неплохое обмундирование. У моего соседа по парте не было и этого. Из мешковины было сшито какое-то подобие кафтана, края которого превратились в клочья, а обуви не было вовсе никакой, и он стыдливо прятал босые озябшие ноги, обляпанные грязью.

Кроме букваря, у меня не было в первом классе учебников, да не все учебники были и в последующих классах. Выручало трудолюбие, страстное желание познать.

Помню, к ноябрьским праздникам сорок третьего года в школе решили поощрить отличившихся в учебе. В деревянной постройке во дворе школы соорудили дощатые столы, кухню-временку. Награждали отличившихся

просяными лепешками и просяной кашей. Мне лепешки не дали: в первой четверти была одна четверка, хотя я закончила первый класс на одни пятерки. Сохранилась частичка того далекого военного времени – мой табель успеваемости за первый класс, заполненный рукою милой, любимой Галины Ивановны, живущей и сейчас в городе Шадринске. Пусть еще долгие годы горит свет в ее окнах!

Валя Павленина (справа) со школьной подругой

Видели ли вы тетрадь ученика военных лет? Нет, скажут молодые люди. А это необыкновенные тетради, сшитые из газетной бумаги, листов, вырванных из старых книг, брошюр. На них мы писали чернилами, изготовленными из сажи, взятой из дымохода. Если сажу заварить крутым кипятком, получаются красивые чернила коричневого цвета. Но надо бережно относиться к написанному. Мой сосед по парте нечаянно толкнул мою руку, я провела ею по исписанной странице, и, о ужас, вместо ряда букв появилось грязное пятно. Закапавшие слезы довершили разрушенное.

Рядом с нами поселились эвакуированные из Ленинграда двойняшки Эмма и Герман Мирзоевы. Их мать, детский врач, Дания Владимировна, была постоянно в разъездах, и ребята жили почти всегда одни. Я любила ходить к ним в гости. Хотя они были старше меня всего двумя годами, но какая разница между нами! В них было столько недетской серьезности, взрослости, какой-то основательности и практичности. Они сами готовили еду, стирали, их школьная одежда и галстуки всегда были тщательно отглажены. Они отлично учились, много читали. Особенно привлекал мое внимание Герман. Он всегда что-нибудь мастерил, выдумывал. Сделал воздушного змея таких летательных свойств, что он, поднявшись в небо, становился едва заметным и долгое время парил, поддерживаемый воздушными потоками. Смастерил самолетик, который, жужжа, мог пролететь некоторое расстояние над двором. Правда, Герка задирал нос, важничал, но это не портило его в моих глазах. Однажды я пришла к соседям. Эмма возилась на кухне, Герман читал, лежа на кровати. На мое появление он не обратил никакого внимания. Это меня задело. Остановившись на пороге комнаты, я начала дразнилку: «Герка, Герман, зазнайка. Германец!» – неожиданно для себя выпалила я. В то же мгновение Герман вскочил с кровати с перекошенным от злобы, побледневшим лицом, подбежал ко мне и влепил хлесткую пощечину. Обливаясь слезами от боли, обиды, я выбежала из комнаты. Получить пощечину от мальчишки! Обругал бы, но ударить по лицу... Начитался всяких книжек и лепит пощечины, как оскорбленный рыцарь. Я негодовала и заливалась слезами. Только позднее я осознала, что в этом маленьком человеке задела патристическое, национальное чувство. Он пережил намного больше меня, и его чувство собственного достоинства требовало защиты.

Обида была так велика, что я решила никогда с Геркой не разговаривать. Он первый пошел на примире-

ние. Раз, когда я играла в классики за оградой, что-то мягкое попало мне в спину. Оглянулась. У ворот своего дома стоял Герман и улыбался. Мир был восстановлен.

В сорок пятом году Мирзоевы вернулись в Ленинград. Но след их не исчез. Года через три после их отъезда, читая «Пионерскую правду», я обратила внимание на рубрику «В школах Ленинграда», а ниже была помещена фотография девочки в форменном платье, сидящей за партой. Подпись гласила: «Первый экзамен сдан, на очереди – следующий». С фотографии на меня смотрело лицо Эммы! Эмма повзрослела, но черты лица не изменились. Для сверки принесла фотографию, подаренную девочкой на прощание. Сомнений не было. Принесла газету в школу. Одноклассники Эммы тоже узнали ее. Радости нашей не было границ: ведь это была «наша Эмма», ее видела вся страна, и сфотографировали ее потому, что она была отличница. Но она жила среди нас и нашла приют у нас в тяжелое для страны время.

Прошли десятилетия. Я работала преподавателем педучилища и вместе с коллегой поехала в Ленинград, где никогда не была. Ездили мы без экскурсионной путевки. Ленинградцы – радушные люди – предоставили нам отличную квартиру в центре города. Вооружившись путеводителем, мы целыми днями знакомились с архитектурными, историческими, музейными достопримечательностями одного из красивейших городов мира. Мы бродили целыми днями, но времени все равно не хватало, чтобы увидеть, восхититься, запечатлеть в памяти.

Зашли как-то подкрепиться в небольшое кафе. Мое внимание привлек молодой человек, вошедший туда и направившийся к буфету. Его лицо показалось мне знакомым. Купив пачку сигарет, он пошел к выходу, и я могла рассмотреть его хорошенько. Воистину мир тесен! Это был он, Герман! Я увидела даже шрамик над его правой бровью. От волнения я привстала, хотела ок-

ликнуть его, но не посмела, да и не успела: так быстро, стремительно он вышел. Да и нужна ли ему была эта встреча: ведь после отъезда Мирзоевы не написали никому ни строчки...

— Война — это частые похороны, пожары, нищие. Они идут и идут. Отказать стыдно, дать порой нечего. Мама на работе, я целыми днями дома одна. Пришла баба Груня — женщина, которая ходит с трудом, переваливаясь с боку на бок; убогонький Коля, еще две-три старушки. К вечеру у меня роздано все молоко и простокваша. Мама, придя с работы, ничего не обнаруживает, но ворчит несердито.

— Осень... Сеет мелкий холодный дождик. Мы, ребята, узнаем, что привезли пленных немцев на сельхозработы. Живые немцы в нашем селе! Бежим смотреть. Немцы сидят в кузове грузовой машины, нахохлившись, укрывшись от дождя зелеными плащ-палатками. Один из них встал и что-то говорил нам, ребятам, улыбаясь, показывая рукой невысоко от дна кузова машины. Должно быть, говорил, что у него тоже есть небольшие дети. Мы молчали. Не было угроз, грубых слов в адрес «завоевателей», оставивших многих ребят без отцов. Дети войны были сдержанными людьми.

— Самые тяжелые воспоминания детства связаны с отправкой солдат-новобранцев на фронт. Происходило это возле военкомата, расположенного через два здания от нашего дома. По воле судьбы мне некого было отправлять на фронт, но мы, ребята, неизменно шли туда не из-за любопытства и зрелищности, а из-за причастности к происходящему. Я, наверное, была по натуре чутким ребенком, поэтому увиденное в течение ряда лет воспринимается так остро, что эти рвущие душу и сердце сцены прощания не забылись до сих пор.

— Этот вопль отчаяния, горя, нечеловеческих страданий доходил до такого накала чувств, что терялось ощущение реальности происходящего. Это было что-то

фантазмагорическое (фантастическое, несуществующее).

...Я не помню первый день войны, зато первый день мира помню в деталях. Проснулась от какого-то шума в комнате: мама быстро ходила, одеваясь, громко говорило включенное радио. Голос Левитана гулко разносился в утренней тишине. В окно просачивался слабый рассвет. «Побегу будить людей, - торопливо говорила мама, набрасывая платок. – Еще не все знают». Я не сразу поняла со сна, что происходит. Быстро одевшись, я увязалась за матерью. Мы бежали в сыром промозглом воздухе по улице. Мать подбегала к окнам домов, стучала в них и, вытирая слезы, кричала: «Война кончилась!» Мы бежали дальше, хлопали калитки, выбегали люди, раздавались радостные вскрики, плач. Обезжав несколько домов, мы вернулись: надо было управиться со скотиной и идти на работу. Люди бежали на площадь, где всегда проходили митинги и демонстрации. Но шел дождик, и люди заходили в Дом культуры, рассаживались в зале, толпились в проходе между рядами кресел. Стоял радостный гул голосов. Участник войны, вернувшийся после ранения, крепыш Томилов С.П. во флотской тельняшке, в накинутом на плечи бушлате вместе с парнем (фамилии не помню) запели песню «Застольная», встав перед заполненным залом. В песне есть такие слова «...Все, что нам дорого, припоминается, песня звучит веселей». Предлагалось поднять задравный кубок за Родину, армию, флот. Пелись фронтовые песни, зал подпевал. Дождь кончился, и все вышли на площадь. Люди шли колоннами с предприятий. Песни, смех. Потом был митинг. Рукоплескание, возгласы, слезы... Так начинался первый день мира.

с. Кирово Мишкинского района